

Последний царь

Автор:

Эдвард Радзинский

Последний царь

Эдвард Станиславович Радзинский

70 лет хранилась в Архиве папка со странным названием: «Конверт с короной и надписью «Аничков дворец»». Внутри папки действительно лежит маленький конвертик с типографской надписью «Аничков дворец» и тисненой короной. Но на нем есть еще одна надпись – уже от руки, по-английски: «Волосы Ники, когда ему было три года». И подпись – «Аликс». В конвертике лежат золотистые кудри маленького Ники... Как на той первой, его младенческой фотографии.
[i]Книга также выходила под названием «Николай II».[/i]

Эдвард Радзинский

Последний царь

© Радзинский Э. С.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

«И тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь; претерпевший же до конца спасется».

(Матфей. 24:10–13)

Пролог

Как и сейчас, век доживал тогда последние годы. Как и сейчас – пожилые люди жили тогда с печальным ощущением, что никакого отношения к тому грядущему, которое обещало человечеству расцвет науки и безмятежное процветание, они уже не имеют. Но молодые люди жили предощущением наступающего. Приходил век с особым, мистически кратным числом – «Двадцатый».

И двое счастливейших молодых людей – Ники и Аликс – влюбленные, которым довелось соединиться в браке, и повелители одной шестой части мира – также жили этим счастливым грядущим. И день их коронации обещал стать прологом к еще более счастливой жизни, которая непременно ждала их в новом веке.

14 мая 1896 года, Москва... Звенели колоколами кремлевские соборы. Молодой Николай и белокурая красавица царица вошли в Успенский собор. И стих колокольный звон, и замолчала запруженная людьми древняя площадь.

Успенский собор. Церемония священного коронования. И наступил великий миг: Государь принял корону из рук митрополита и возложил ее на свою голову...

Из речи митрополита: «Благочестивый Самодержавнейший Великий Государь император Всероссийский! Видимое и вещественное главы твоей украшение – явный образ есть – яко тебя, главу всероссийского народа, венчает невидимо Царь славы Христос благословением своим благостным, утверждая тебе владычественную и верховную власть над людьми своими»[1 - Здесь и далее во всех цитируемых документах, дневниках, письмах, воспоминаниях и т. п. сохраняются стиль, орфография и пунктуация оригиналов. Курсив в цитатах мой. – Примеч. Э. Р.]

18 июля 1918 года. Екатеринбург.

«Трупы сложили в яму и облили лица и все тела серной кислотой как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения... Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали – следов ямы не осталось». (Из «Записки» Я. Юровского, руководившего расстрелом Царской Семьи в ночь на 17 июля 1918 г.)

«Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь». (Слова из Библии, которые прочла дочери своей царица 16 июля 1918 года – в последний день их жизни.)

До конца своих дней царь Николай II сохранял некую тетрадь. Это конспект по истории России, который вел один из его великих предков – царь-реформатор Александр II, будучи наследником престола.

«Романовы...» – гордо озаглавлена тетрадь.

«Романовы» – так можно озаглавить целых три столетия истории России.

Родоначальниками боярского рода Романовых были знатный выходец из Прусской земли Андрей Иванович Кобыла с братом своим Федором, пришедшие на Русь в XIV веке. Они дали начало многочисленному потомству и многим знатнейшим русским родам.

Праправнучка Андрея Кобылы Анастасия стала царицей – женой царя Ивана Грозного. Так потомки Андрея породнились с древней династией московских царей. Брат царицы Никита Романович был особо приближен к жестокому царю. Но умирает Иван Грозный. По его завещанию Никита Романович назначается одним из опекунов – советников своего племянника – нового царя Федора. Начинается борьба за власть.

По навету всеильного Бориса Годунова – тестя царя Федора – старший из сыновей Никиты Романовича пострижен в монахи под именем Филарета.

Умирает царь Федор, и прекращается древняя династия Рюриковичей. И тогда наступают невиданные, темные времена на Руси – времена Смуты. Избрание на царство Бориса Годунова, подозреваемого в убийстве наследника престола малолетнего Дмитрия; невиданный голод и мор; смерть Годунова; нашествие поляков на Русь и самозванец Лжедмитрий, посаженный поляками на русский престол; всеобщее обнищание, людоедство и разбои...

Тогда, в дни Смутного времени, Филарет Романов был возвращен из ссылки и стал митрополитом Ростовским.

Но изгнаны поляки из Москвы, погиб лжецарь, и в 1613 году Великий Земский Собор прекращает наконец страшную эпоху междуцарствия и Смуты.

Сын митрополита Филарета Михаил Романов, находившийся в это время в Костромском Ипатьевском монастыре, был единогласно избран на царство. 21 февраля 1613 года началась трехсотлетняя история Дома Романовых.

Под диктовку учителя записал дед Николая благостный рассказ об основании своей династии:

«Мать, обливаясь слезами умиления, сама благословила его на царство. Согласие Михаила стать царем было встречено радостью всеми жителями, которые ликовали. Михаил, недолго остававшийся в Ипатьевском монастыре, двинулся в Москву...»

Мистика истории: Ипатьевским назывался монастырь, откуда первый Романов был призван на царство. И дом, где расстался с жизнью последний царствовавший Романов – Николай II, – назывался Ипатьевским по имени владельца дома инженера Ипатьева.

Михаил – имя первого царя из Дома Романовых и имя того последнего, в чью пользу безуспешно отрекся от престола Николай II.

Часть первая

Перелистывая царские дневники

Глава 1

«Фонд крови»

В шестидесятых годах уже нашего века в Москве жила странная старуха: морщинистое лицо покрывал чудовищный слой театрального грима, согнутая фигура качалась на высоких каблуках... Она двигалась почти ощупью, но ни за что не надевала очков. Она не желала выглядеть старухой! По Театральной энциклопедии ей шел тогда девятый десяток.

Это была Вера Леонидовна Ю. – театральная звезда начала века. После ее спектаклей поклонники-студенты впрягались вместо лошадей в экипаж и везли ее домой. Когда-то... Но теперь бывшая роковая красавица доживала в коммунальной квартире на нищенскую пенсию. И сдавала одну из двух своих комнат мне, жалкому студенту Историко-архивного института.

По вечерам, возвращаясь домой, я часто беседовал с ней на коммунальной кухне... Кабинеты петербургских ресторанов, таинственный Яхт-клуб с великими князьями, дворцы в белой ночи... Этот затонувший мир Вера Леонидовна насмешливо называла «Атлантидой»... Она сыпала именами: «Аня» – просто Аня – оказывалась Анной Вырубовой – роковой подругой императрицы... И – «Сана»... Впрочем, для остальной России «Сана» тогда была императрицей Александрой Федоровной...

Так начались наши ежевечерние беседы на московской кухне – путешествие в затонувшую «Атлантиду»... Я жадно записывал ее рассказы... И сейчас, когда я прочел множество воспоминаний участников тех бурных событий, ее суждения сохраняют для меня особое очарование. Именно потому, что она не была участником...

Уж очень они пристрастны. Я понимаю формулу: «Врет, как участник». Вера Леонидовна – всего лишь современник, любопытствующий человек со стороны.

И был один из рассказов Веры Леонидовны о конце «Атлантиды»:

«Уже после революции моим мужем стал Михаил К. «Еще одна победа большевиков», – написала эмигрантская газета о нашем союзе. (К. был знаменитым журналистом в 20–30-х годах, расстрелян в годы террора. – Э. Р.)

В гостинице «Метрополь» жили тогда видные большевики. Для развлечения они часто приглашали туда писателей, журналистов, служивших новой власти. К. часто бывал в «Метрополе». Однажды он встретил там двоих...

Один был главой большевиков в Екатеринбурге, когда там расстреляли царскую семью, другой – руководил расстрелом.

И они вспоминали, как все было... Пили чай вприкуску, хрустели сахаром и рассказывали, как пули отскакивали от девочек и летали по комнате... Их охватил страх, и они никак не могли добить мальчика... он все ползал по полу, закрываясь рукой от выстрелов. Они только потом узнали: на великих княжнах были пояса, в них были защиты бриллианты... Бриллианты их защитили... К. потом говорил, что наверняка должна была быть фотография этого ужаса: «Уж очень они гордились – последнего царя ликвидировали, – не могли они потом не сняться с убитыми. Тем более что этот главный убийца был в прошлом фотограф». И К. все искал эту фотографию».

Царевубийцы за чаем... и пули, которые отскакивают от девушек, и мальчик на полу, и фотография... этого я уже не мог забыть.

А потом в моем Историко-архивном институте я услышал о секретной «Записке», которую написал тот самый бывший фотограф, руководивший расстрелом Царской Семьи. Его звали Яков Юровский. В этой «Записке» он все будто бы изложил.

Уже проходя архивную практику, я оказался в Центральном архиве Октябрьской революции. И тотчас наивно спросил о «Записке» Юровского.

– Не существует никакой записки Юровского, – жестко ответила сотрудница, как бы подчеркивая бестактность вопроса.

Но фонд Романовых мне показали. К моему изумлению, во времена, когда все было засекречено, эти документы выдавались.

Сначала я увидел альбомы с романовскими фотографиями – все та же сотрудница с бескровным лицом вносила и уносила один за другим гигантские альбомы – сафьяновые, кожаные, с царскими гербами и без... Ни на секунду не оставляла она меня наедине с этими фотографиями. Сначала холодно-равнодушно, а потом, забывшись, увлекшись, объясняла мне каждую из них, будто хвастаясь этой диковинной, исчезнувшей жизнью... Тусклые картинки царских фотографий были окном, куда она заглядывала из нищей, скучной жизни.

– Они все снимали, – с какой-то гордостью объясняла она. – У всей семьи были фотоаппараты: снимали дочери, сам царь и царица.

Фотографии, фотографии... Высокая тонкая красавица и милый молодой человек – время их помолвки.

Первый ребенок – девочка на слабых ножках.

А вот уже четыре дочери сидят на кожаном диване... А вот появился мальчик – долгожданный наследник престола. Вот он – с собакой, вот – на велосипеде с огромным колесом – забавном велосипеде того века. Но куда чаще он в постели – и рядом императрица. Как она постарела... глядит в фотоаппарат, глядит на нас... Горькая складка вокруг рта, тонкий нос стал крючковатым – печальная, немолодая женщина.

А вот Николай и будущий английский король Георг, они смотрят друг на друга – поразительно, до смешного похожие (их матери были сестрами). Фотография царской охоты: огромный олень с гигантскими рогами лежит на снегу... А вот

отдых: Николай купается – он нырнул и плавает совершенно голый, – и со спины его обнаженное сильное тело.

Я часто вспоминал потом эти фотографии: мертвый олень и голый царь... Когда думал, как он, мертвый и голый, лежал на теплой июльской земле у той ямы, куда бросили потом его тело.

А потом я начал читать его дневник.

Июль 1918 года. Чехословацкий корпус и казачьи части подошли к Екатеринбург. Большевики должны сдать город... Последним поездом выехал из Екатеринбурга Яков Юровский. В царских кожаных чемоданах «секретный курьер» (так он официально назывался в документах) вывез свой груз – семейный архив только что расстрелянных Романовых.

Как он ехал в поезде... Просматривал альбомы с фотографиями... Бывшему фотографу это так интересно. Но главное, конечно же, он прочел дневник царя. Дневник того, с кем отныне и навсегда будет связано его имя. С каким чувством он листал его в долгой дороге, пытаясь представить эту жизнь, протекавшую на глазах целого мира...

Так собирался в Центральном архиве Октябрьской революции «Романовский фонд»... Я называю его – «Фонд крови».

36 лет непрерывно вел Николай свой дневник. Он начал его в 14 лет в 1882 году в Гатчинском дворце и закончил пятидесятилетним арестантом в Екатеринбурге.

50 тетрадей исписаны от начала до конца его аккуратным почерком. Но последняя, 51-я тетрадь заполнена лишь до половины: оборвалась жизнь – и остались пустые, зияющие страницы, заботливо пронумерованные впрок автором. В этом дневнике нет размышлений и редки оценки. Дневник – запись основных событий дня, не более. Но там остался его голос. Мистическое могущество подлинной речи...

Этот молчаливый, замкнутый человек будет рассказывать. Он сам поведет через свою жизнь. Он – автор.

Я листаю его дневник... Это вечное и такое банальное ощущение в архиве: ты чувствуешь другие руки – соприкосновение рук через столетие.

Глава 2

Дневник начинается

Автор родился 6 мая 1868 года.

Старинная фотография: ангелоподобный младенец с длинными кудрями в кружевной рубашечке пытается заглянуть в книгу, которую держит мать. Здесь Николаю год.

И другая фотография: модно опроборенный юноша.

В 1882 году Николай получает в подарок от матери «Памятную книжку»: с золотым обрезом, в переплете драгоценного дерева с инкрустацией.

Эта роскошная книжка и стала первой тетрадью его дневника. Причина, по которой с 1882 года Николай начинает непрерывно заполнять свой дневник, – роковой день русской истории – 1 марта 1881 года.

В промозглую ночь на 1 марта 1881 года в одной из петербургских квартир долго не гасили свет. Накануне с раннего утра в квартиру беспрестанно забегали некие молодые люди. С восьми вечера в квартире остались шестеро: четверо мужчин и две женщины. Одной была Вера Фигнер, знаменитая руководительница террористической организации «Народная воля». Впоследствии в своей автобиографии она опишет этот день.

Другая – Софья Перовская. Перовской предстояло утром непосредственно участвовать в деле, и ее уговорили заснуть.

Вера Фигнер и четверо мужчин работали всю ночь. К утру они наполнили «гремучим студнем» жестянки из-под керосина. Получились четыре самодельные бомбы.

Делом было убийство царя Александра II, одного из величайших реформаторов в истории России. В те весенние дни он готовился дать России желанную конституцию, которая должна была ввести феодальную деспотию в круг цивилизованных европейских государств. Но молодые люди боялись, что конституция создаст ложное удовлетворение в обществе, уведет Россию от грядущей революции. Царские реформы казались им слишком постепенными. Молодые люди спешили.

К тому времени террористы-революционеры уже совершили семь неудачных покушений на царя. Двадцать одна смертная казнь была ценой. И вот опять они вышли на Петербургскую улицу – убить царя.

В тот день в казармах Павловского полка, выходивших на Мойку и Марсово поле, стоял в карауле молодой солдат Александр Волков. Со стороны Екатерининского канала он услышал два мощных взрыва, увидел, как медленно расходился дым. А потом мимо Волкова промчались полицмейстерские сани.

Три казака из царского конвоя поддерживали умиравшего царя: двое стояли на полозьях по бокам, один впереди. Его черкеска почернела от крови Александра. Оборванные мускулы на ногах царя кровоточили. Сани направлялись в Зимний. «Там умереть хочу», – повторял царь. Александр II был смертельно ранен бомбой, сделанной в той самой петербургской квартире. Бомба, убившая православного царя, была загримирована под пасхальный кулич. Хорош был пасхальный подарочек – не забыли молодые люди про иронию.

А потом мимо Волкова в Зимний промчалась карета в сопровождении конвоя. Огромный, тяжелый лысый человек и тринадцатилетний мальчик сидели в карете – новый царь Александр III и его сын – Николай, ставший в тот день наследником русского престола.

Вся жизнь стоявшего в тот день в карауле солдата Александра Волкова будет связана с этим мальчиком, сидевшим в карете. Между двумя цареубийствами пронесется его жизнь.

Между тем Вера Фигнер уже узнала о смертельных ранах Александра II. Это вызвало странный восторг у молодой женщины. «От волнения я едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала: тяжелый кошмар, давивший в течение десятков лет молодую Россию, был прерван. Все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь». И они обнимались от счастья – молодые люди, убившие царя-реформатора.

«Революционер, есть человек обреченный...» – это цитата из знаменитого «Катехизиса революционера» Бакунина. Согласно этому «Катехизису», революционер должен: порвать с законами и условностями цивилизованного мира, отречься от всякой личной жизни и кровных связей во имя революции. Презирать общество, быть к нему беспощадным, самому не ждать пощады от общества и быть готовым к смерти. И усугублять всеми средствами беды народа, толкая его к революции. Знать: все средства оправдываются одной целью – Революцией...

Неподвижную российскую телегу они решили смазать кровью. И вперед – туда, к 1917 году, к екатеринбургскому подвалу, к великому «красному террору», – покатиться, покатиться...

Царь Александр II в муках скончался во дворце.

Это видение: истекавший кровью дед – не покинет Николая всю его жизнь.

В крови он стал наследником престола.

«Пролитая царская кровь» породила его дневник. Николай – Наследник. Теперь его жизнь принадлежала истории – с Нового года он должен фиксировать свою жизнь.

Семья автора

Историки отмечали: в результате бесконечных династических браков в жилах русских царей Романовых к XX веку почти не осталось русской крови...

Но «русский царь» – уже национальность. И немецкая принцесса, прославившаяся в русской истории под именем императрицы Екатерины Великой, чувствовала себя истинно русской. Настолько русской, что, когда ее родной брат собрался посетить Россию, она с негодованием сказала: «Зачем? В России и без него немцев предостаточно». И отец Николая – Александр III – и по внешности, и по привычкам – типичный русский помещик, обожающий все русское. И гордая формула – «Самодержавие, православие и народность» – в немецкой крови русских царей.

Мать Николая – датская принцесса Дагмара, его бабка – датская королева. Бабку прозвали «тещей всей Европы»: ее бесчисленные дочери, сыновья и внуки породнили между собой почти все королевские дома, объединив таким забавным образом материк от Англии до Греции.

Ее дочь принцесса Дагмара сначала была помолвлена со старшим сыном Александра II – Николаем. Но Николай умирает от чахотки в Ницце, наследником престола становится Александр. Вместе с титулом новый наследник взял в жены невесту покойного брата: на смертном одре умирающий Николай сам соединил их руки. Датская принцесса Дагмара стала Ее Императорским Высочеством Марией Федоровной.

Брак оказался счастливым. У них много детей. Александр был замечательным семьянином: хранить устои в семье и государстве – его главная заповедь.

Постоянство – главный девиз отца Николая – будущего императора Александра III.

Реформы, изменения и поиск – главный девиз его деда-императора Александра II.

И эти частые увлечения новыми идеями находили своеобразное продолжение в бесконечных любовных увлечениях деда. Романы Александра II следовали один за другим. Пока не появилась она – красавица княгиня Долгорукая. К изумлению всех, Александр II верен новой любовнице. Рождаются дети. Возникает официальная вторая императорская семья, там Александр II проводит теперь почти все время, туда едут с докладами его министры. И когда началась охота революционеров за царем, дед Николая сделал экстравагантный шаг: для безопасности он поселил обе свои семьи в Зимнем дворце.

В 1880 году умирает бабка Николая – Мария Александровна, официальная жена Александра II.

Его дед женится на любовнице. Хотя умная и щепетильная княгиня спешит отказаться от прав на престол для сына, все понимают: невозможное сегодня уже завтра... Александру II – 62 года, но он в расцвете сил и здоровья. Отец Николая отчетливо отодвигается на второй план. И вдруг через несколько месяцев после «постыдного» брака – взрыв бомбы на Екатерининском канале. И, конечно же, Николай слышал то, что говорилось вокруг: «Божья кара грешному царю».

Обложка дневника

Осенью 1882 года он пел песню.

Песня эта так поразила его, что он записал ее на обороте обложки своего самого первого дневника.

«Песня, которую мы пели, пока один из нас прятался:

«Вниз да по речке,

Вниз да по Казанке,

Серый селезень плывет.

Вдоль да по бережку,

Вдоль да по крутому
Добрый молодец идет.
Он со кудрями,
Он с русыми Разговаривает...
Кому ж мои кудри,
Кому ж мои русые
Достанется расчесать?
Достались кудри,
Достались русы
Старой бабушке чесать.
Сколь она ни чешет,
Сколь она ни гладит,
Только волосы дерет».

Эта народная песня о старухе-смерти, расчесывающей кудри погибшего молодца, открывает его дневник.

Дневник отрока

«Мой дневник начал писать с первого января 1882 года... Утром пил шоколад, одевал лейб-гв[ардии] резервный мундир... Ходили в сад с папа. Рубили, пилили и разводили большой костер. Легли спать около половины десятого.

Папа, мама, и я принимали две депутации. Мне преподнесли превосходно сделанную деревянную тарелку с надписью: «Воронежские крестьяне цесаревичу. С хлебом-солью и русским полотенцем».

Игры в Гатчине, визиты сверстников – двоюродных братьев великих князей...
Большая Романовская Семья.

«Утром переселяли канареек в маленькие деревянные клеточки...

Сандро, Сергей... катались на коньках, играли в мяч. Когда папа ушли,
мы начали драться в снежки...»

Играют мальчики... Жизнь – праздник. Сергей и Сандро (Александр) – сыновья
великого князя Михаила, родного брата его деда.

Николай (или Ники, как все его называют) в особенной дружбе с Михайловичами.
Сергей, Сандро и Георгий Михайловичи – любимые персонажи дневника,
товарищи его детских игр, его юности.

Старший из Михайловичей, его тезка Николай, знаменитый либеральный
историк, насмешливо наблюдает их игры: он всегда будет относиться с легкой
иронией к императору Ники.

И вся эта веселая, хохочущая компания потом...

«Потом» – это когда во дворе Петропавловской крепости будут расстреляны
Николай и Георгий Михайловичи. И на дне шахты с простреленной головой
ляжет еще один участник этих веселых игр – Сергей Михайлович.

«Работали в саду. Очищали три дерева, которые упали одно на другое. Затем
разводили огромный костер. Мама пришла посмотреть на наш костер, до того он
был привлекателен...»

Горит, горит огромный костер в темноте ночи... Через много лет этот сероглазый
отрок разожжет другой костер, в котором погибнет империя.

Обстоятельства его жизни

Все это происходит в Гатчине. Здесь после убийства отца затворяется Александр III со своей семьей. В Петербурге царь появляется только с Нового года до Великого поста. И тогда устраиваются царские балы, потрясающие азиатской роскошью иностранных послов. Но это витрина. Истинная жизнь семьи – в Гатчине. Семья живет в великолепном дворце, но пусты его парадные залы. Александр с семьей занимают антресоли, бывшие помещения для слуг. В узких маленьких комнатах, куда с трудом поместился рояль, живет его многочисленная семья...

Тень убитого отца преследует Александра III. Цепь часовых вдоль ограды, караулы вокруг дворца, караулы внутри парка... С этим тюремным акцентом начинается жизнь юного Николая.

Между тем наш знакомец Александр Волков начинает делать карьеру: он введен во внутреннюю охрану дворца. На озере после полуночи он наблюдает, как император удит рыбу.

Лунная ночь над гатчинским парком. Волков одиноко стоит на берегу, демонстрируя немногочисленность охраны. Подлинная охрана – 30 человек – прячется в кустах вокруг озера. За лодкой царя – другая, с конвоем.

В царской лодке егерь светит фонарем, рыба плышет на свет, и огромный, тяжелый царь с размаху бьет острой всплывающую рыбу.

Удить рыбу и охотиться – эти занятия отодвигают порой даже государственные дела. «Европа может подождать, пока русский царь удит рыбу» – этот афоризм могущественного монарха, хозяина шестой части земли, обошел газеты мира.

Николая берут на охоту и рыбную ловлю, но чаще берут Михаила, младшего брата. Здоровяк и шалун Михаил – любимец и отца, и матери.

Царь с гостями пьет чай на балконе, а внизу играет Миша. Богатырская забава: отец берет лейку и сверху обливает мальчика водой. Миша доволен. Миша хохочет, смеется царь, смеются гости.

Но вдруг следует неожиданная реплика: «А теперь, папа, ваша очередь». Император послушно подставляет свою лысину, и Миша обливает его из лейки с ног до головы...

Но железная воля отца сломит детскую самостоятельность Михаила – оба брата вырастут добрыми, мягкими и стеснительными. Такими часто бывают дети у сильных отцов.

Именно тогда Николай постиг горчайшее для отрока: любят не тебя – любят брата! Нет, нет, это не сделало его злым, угрюмым, менее послушным. Просто он стал скрытен.

Как он стремился к любви! И та, которая стала его женой, женским инстинктом это почувствовала. «Каждая женщина имеет в себе также материнское чувство к человеку, которого она любит, это ее природа, которая сказывается, если она в самом деле любит». (Из письма императрицы Александры Федоровны.)

Его воспитателем отец сделал знаменитого К. П. Победоносцева, обер-прокурора Синода.

Александр III взошел на престол с понятной логикой: были реформы при отце, – чем кончилось? Убийством. И к власти был призван Победоносцев. Иссохший старик с оттопыренными ушами, с сухим дыханием измученного постами великого инквизитора.

В своей программной речи Победоносцев объяснял: Россия – это особая страна: реформы, свободная печать непременно кончаются в ней развратом и смутой.

«Он, как мороз, препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем ничего не будет», – писал о Победоносцеве русский публицист. Но «человек-мороз» уже тогда ощущал ярость жаркого светила, надвигавшегося на империю: революция. Кто ей противостоит? Этот ласковый мальчик, совсем не обладающий характером царя? И Победоносцев почитал Николая, будущего монарха, но не смог его полюбить.

И в своем воспитателе Николай не нашел любви. Вместо любви он получил... армию!

Александр III имел прозвище «Миротворец». Он избегал войн, но над обществом прежней громадой высилась армия. Армия, которой всегда была сильна Россия. «Не законами, не цивилизацией, но армией» – так писал граф Витте. «Россия – государство не торговое и не земледельческое, а военное, и призвание его – быть грозой света», – написано было в учебнике для кадетских корпусов. Армия – это прежде всего послушание и исполнительность. И оба эти качества, уже бывшие в робком юноше, губительно разовьет армия...

Наследник престола проходит службу в гвардии. Еще с XVIII века самые знатные, самые богатые семьи России отправляли своих детей в гвардию, в Петербург. Пьянство, кутежи, цыгане, дуэли – джентльменский набор гвардейца. Все дворцовые перевороты в России совершает гвардия. Гвардейцы возвели на престол Елизавету и Екатерину II, убили императоров Петра III и Павла I. Но гвардия не только совершала походы на императорский дворец, во всех великих битвах России – впереди была гвардия.

В сводной роте гвардейского батальона начал служить Николай. Наследник командовал первой полуротой, а второй... Все тот же Александр Волков! Теперь он унтер-офицер. На царской даче «Александрия» Волков учит наследника искусству маршировки.

Николай обожает физические упражнения, он неутомим. Эти «истязания в шагистике» наблюдает из кустов средний брат Георгий. Георгий вечно болен. И, мучительно стыдясь своей постоянной слабости, он прячется и восторженно следит из кустов за старшим братом.

«Мне 20 лет, совсем стариком делаюсь...»

6 мая 1888 года. «Мне 20 лет, совсем стариком делаюсь...»

7 мая. «Этот костюмированный бал мне очень понравился. Все дамы были в белых платьях, а мужчины в красном... Танцевал мазурку и котильон».

Балы, полк... Жизнь – праздник, но...

17 октября 1888 года он первый раз чудом избежит смерти. Страшное крушение царского поезда произошло недалеко от Харькова (и впервые в его жизни эта цифра – 17 – является вместе с бедой).

«Роковой для всех день. Все мы могли быть убиты, но по воле Божьей этого не случилось. Во время завтрака наш поезд сошел с рельсов. Столовая и вагон разбиты, и мы вышли из всего невредимыми. Однако убитых было 20 человек и раненых 16... На станции Лозовая был молебен и панихида».

И опять праздник продолжается: 1889 год.

«Вернулся с бала в половине второго. Проспал первый урок...»

«Очень весело засматривался на ту же цыганку. Вернулся домой в два часа...»

«Удивление проснуться в Гатчине. Вид моей комнаты, освещенной солнцем. После чая у мама фехтовал...»

«Не выдержал и начал курить, уверив себя, что это позволительно...»

«В полночь отправился с папа на тетеревей. Сидел в шалаше, ток был замечательный. Проспал до десяти...»

«6 мая... Сделался членом Государственного совета и Комитета министров...»

Поразительна радость, с которой застенчивый, нежный Николай бросается в разнузданный гвардейский мир. Полковой начальник Николая – брат отца – великий князь Сергей Александрович.

До самой своей гибели дядя оставался начальником в сознании Николая, несмотря на все пороки. Могучий гигант, непререкаемый суровый командир, Сергей Александрович был несчастнейшим человеком. (Глубоко религиозный, он бесконечно страдал от своих наклонностей. Гвардия, замкнутое мужское братство, породила педерастию и пьянство.)

Традиции русского гвардейского пьянства! Стихи знаменитого героя и кутилы – гусара Дениса Давыдова! Переложенные на музыку, они распевались в гвардейских казармах:

Деды! Помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами.
Ни полслова, дым столбом.
Ни полслова! Все – мертвецки
Пьют. И, прислонясь челом,
Засыпают молодецки.
Но едва проглянет день,
Сабля свищет, враг валится.
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится...

Из дневника Николая (во время учений в Красном Селе): «Вчера выпили 125 бутылок Шамп[анского]. Был Деж[урным] по дивизии. В час выступил с эскадром на военном поле. В пять был смотр военным училищам под проливным дождем...»

Но к ночи – «Снова ковшик шевелится»...

«Проснулся – во рту будто эскадрон ночевал».

Все, как завещал Денис Давыдов: пили «локтями» (ставили рюмки на длину локтя и враз опорожняли), пили «лестницей» (по всей лестнице расставляли рюмки и поднимались вверх, осушая, но часто падали замертво, не дойдя до верха) или допивались «до волков» (раздевшись догола, выскакивали на лютый мороз, куда услужливый буфетчик выносил господам гвардейцам лохань с шампанским, хлебали из одной лохани и выли при сем по-волчьи). Говорили, что эту странную забаву придумал лично великий князь Сергей Александрович, который был славен своим знаменитым, воистину гвардейским пьянством.

Из дневника Николая:

«Такой массы цыган никогда не видел. Четыре хора участвовали. Ужинали, как тот раз, с дамами. Я пребывал в винных парах до шести утра...»

И среди этих жутковатых, шумных забав Николай умудрялся оставаться нежным, целомудренным и... одиноким.

Ожидание любви, идеальной любви...

«Не знаю, чем объяснить, но на меня нашло какое-то настроение: не то грустно, не то весело. Почти таяло, пил чай и читал». Нарушить это одиночество могла только она.

Невысокий молодой офицер быстрым шагом шел в толпе по Невскому проспекту.

А в это время карета градоначальника Петербурга медленно катила по Невскому, и градоначальник внимательно всматривался в лица идущих. Наконец он заметил в толпе молодого офицера: экипаж остановился, и градоначальник, почтительно и твердо, передал приказание отца возвращаться во дворец.

Рассказывает Вера Леонидовна:

«Он обожал прогулки... Ходила сплетня: он встретил на прогулке красавицу еврейку... И завязался роман. Об этом много болтали в Петербурге. Но отец

поступил как всегда решительно – еврейку выслали вместе со всеми домочадцами. Когда все это происходило, Николай был в ее доме. «Только через мой труп», – заявил он градоначальнику. Однако до трупа не дошло: он был послушный сын – и его в конце концов уломали и увезли к отцу в Аничков дворец, а еврейка исчезла из столицы».

«Аликс Г.»

(Дневник молодого человека)

«Аликс Г.» – так он называл ее тогда в своем дневнике.

Я сижу в архиве... Передо мною груда бумаг – все, что осталось от жизни Аликс Г. И они проделали то же путешествие, и на них – пыль страшного Ипатьевского дома.

Бесконечные письма от Николая, сотни писем... Ее дневники – точнее, то, что осталось. Свои дневники она сожгла в начале марта 1917 года, когда погибла империя. Остались лишь краткие записи за 1917 и 1918 годы – последние два года ее жизни... Тетради с выписками из сочинений богословов и философов, строки любимых стихов, переписанные ею: Майков, Фет, Лермонтов, Пушкин, великий князь Константин Романов (знаменитый поэт начала века, писавший под псевдонимом «К. Р.»), Браницкая и опять Пушкин, и опять Фет, и опять К. Р. – круг ее поэтов.

Но вот еще одна особая тетрадь – тоже сборник изречений, но неожиданного философа, властвовавшего над умом и душой блестяще образованной Аликс Г. Это полуграмотный русский мужик Григорий Распутин.

Дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Эрнеста Людвига IV и Алисы Английской – она родилась в Дармштадте в 1872 году.

Холмы, поросшие лесом, спускаются в туманную долину Рейна – места, любимые Гёте. Здесь лежит Дармштадт – крохотная столица крохотного немецкого государства – великого герцогства Гессенского. Тогда, в 1872 году, город утопал в цветах – и во дворцовом музее хранилась нежная «Мадонна» Ганса Гольбейна.

Отец Аликс Людвиг IV, гессенский государь, был женат на Алисе, дочери английской королевы Виктории. Экзальтированная Алиса Английская прославилась своей фанатичной (впрочем, вполне платонической) страстью к знаменитому немецкому философу и богослову Давиду Штраусу. Это было обожествление, столь напоминавшее... обожествление ее дочерью Григория Распутина! И нервность, и ужасающие головные боли – все, что так рано свело в могилу Алису Английскую, – унаследовала ее дочь Алиса Гессенская. Мать передала ей не только свое имя.

К этой семейной экзальтации примешивалась память столетий. В жилах Аликс Г. – кровь королевы Марии Стюарт.

Мать Аликс умерла в 35 лет. Осталась большая семья. Аликс – младшая. Старшая сестра Виктория, названная в честь бабки – английской королевы, вышла замуж за принца Баттенбергского, главнокомандующего английским флотом, вторая сестра Элла готовилась стать женой великого князя Сергея Александровича. И наконец, Ирен, третья сестра, стала женой принца Генриха, родного брата германского императора Вильгельма. Так эти гессенские принцессы соединят родственными узами русский, английский и немецкий императорские дома.

После смерти матери Аликс забирает бабка.

Ее бабка – знаменитая английская королева Виктория... Викторианская эпоха – нравы, стиль мебели и стиль жизни. Королева Виктория безукоризненно соблюдает конституцию: власть принадлежит парламенту, мудрые советы – королеве.

Аликс Г. – любимая внучка либеральной королевы. Белокурая красавица девочка... За светлый характер английский двор зовет ее «Солнечный Лучик», впрочем, немецкий двор за озорство и непокорность звал ее «Шпицбубе» (озорница, забияка). Была ли она – сирота, увезенная от сестер, брата и отца, действительно столь легкой и веселой, или?.. Или такой ее хотела видеть бабушка Виктория? И Аликс с хитростью ребенка пошла навстречу ее желаниям?

Но «Шпицбубе» – она была.

Королева Виктория не жалуется немецких принцев, и особенно императора Вильгельма. И Аликс, говорившая и думавшая по-английски, должна с улыбкой выслушивать язвительные шутки старой королевы... Но разве может она не тосковать: отец, ее семья. Та большая семья, которая рухнула, когда ей было шесть лет.

Выйдя замуж, она будет стремиться создать такую же большую семью.

Одинокая девочка путешествует по королевским дворцам своих многочисленных родственников. В 1884 году двенадцатилетнюю Аликс привозят в Россию.

Ее сестра Элла выходит замуж за великого князя Сергея Александровича. Внимательно следит император Вильгельм за появлением маленькой белокурой красавицы Аликс при русском дворе. Свадьба Сергея Александровича, брата русского царя, с немецкой принцессой может иметь и продолжение. Наследнику русского престола уже 16 лет. И гессенский род – особый в истории Романовского Семейства. Первая жена императора Павла, умершая при родах, и императрица Мария Александровна, бабка Николая, – тоже гессенские принцессы.

Так они впервые встретились: Аликс и Ники.

Идиллия: он влюбился в нее с первого взгляда. И был день, когда они оказались в Петергофе – на маленькой императорской даче «Александрия».

Уже потом, через год после женитьбы, Николай и Аликс приедут в ту же «Александрию». И Николай запишет в дневнике: «Дождь лил целый день, после кофе пошли наверх... видели окно, на котором мы оба вырезали свои имена в 1884 году». (Она любила чертить кольцом с драгоценным камнем на стекле. В Зимнем дворце на великолепных его окнах можно встретить ее автографы.)

И впоследствии они будут любить старую «Александрию», хранившую дорогие воспоминания.

Окно, и двое глядят в тот день 1884 года. Они стоят у окна и у начала своей судьбы.

Именно после этого Николай поговорил со своей сестрой Ксенией, единственной, с кем подружилась не очень общительная англо-гессенская принцесса. И Ксения дала брату совет.

Он попросил у матери брошь с бриллиантами и подарил Аликс Г. Она приняла. Николай был счастлив, но он плохо знал Аликс. Ее сознание формировалось при пуританском английском дворе: неуступчивость, воинственная суровость, надменность – таковы должны быть качества английской принцессы. Аликс решает, что вела себя неподобающе. На следующий день на детском балу в Аничковом дворце, танцуя, она больно всунула ему в руку брошь. Молча, не сказав ни слова.

И так же молча Николай отдал эту брошь сестре Ксении.

Чтобы забрать назад через 10 лет. У этой броши будет страшная судьба.

Только через пять лет семнадцатилетняя Аликс вновь появляется при русском дворе. Она придет к сестре Элле. На самом деле – это смотрины. Все эти годы Николай сохранял воспоминание о юной красавице. И добился своего.

«Необаятельная, деревянная, холодные глаза, держится, будто аршин проглотила», – таков услужливый приговор двора. Было объявлено: принцесса не понравилась императрице. Голос императрицы-матери всегда громко звучал, когда император-отец не желал, чтобы слышали его голос.

Все было просто: политика. Политика Александра – союз России и Франции. И принцесса из Орлеанского дома, дочь графа Парижского, – вот желанная партия для цесаревича.

Никто в стране и в семье не смеет перечить властному императору. Тем более мягкий Ники, который ненавидит вступать в конфликты. В Петергофе состоялось решительное объяснение между отцом и сыном. И Ники покорно соглашается

не настаивать на браке с Аликс, но... от орлеанской принцессы решительно отказывается. Он выбирает третий путь: ждать – молча, безропотно и безнадежно. Ждать, когда Бог соединит его с Аликс. Это был единственно возможный для него стиль поведения: тишайший, покорный – но бунт.

Его дневник 1889 года открывается фотографией юной Аликс: он вклеил ее уже после ее отъезда. Он начинает ждать.

Сестра Элла (после перехода в православие – великая княгиня Елизавета Федоровна) помогла выйти отвергнутой Аликс из неприятной ситуации. Объявлено: ни о каком предполагаемом браке речь не шла и идти не могла: Аликс не намерена менять свою религию.

Аликс возвращается в Англию. Но самое удивительное – с каким-то странным облегчением. Она объясняет себе: сестра права, она не может так просто сменить религию. Слишком большое место вера занимает в ее жизни.

В следующий приезд белокурой принцессы – через год – несчастному Николаю не разрешают с ней увидеться.

Аликс остановилась у сестры Эллы в подмосковном имении Ильинское...

«20 августа 1890 года. Боже! Как мне хочется поехать в Ильинское... Иначе, если я не увижу ее теперь, то еще придется ждать целый год, а это тяжело!!!»
(В отчаянии он ставит три восклицательных знака!)

Ильинское и сейчас существует под Москвой. Несколько недель живет Аликс в имении и с изумлением наблюдает... Слишком тесны связи между Дармштадтом, Лондоном и Петербургом, чтобы не знать подробностей друг о друге. Брак Эллы фиктивен из-за наклонностей мужа, и никогда сестре не суждено иметь ребенка. Но при этом Сергей Александрович изводит ее кутежами и беспричинной ревностью.

Но Аликс с изумлением видит: сестра счастлива, светятся ее глаза. Элла любит мужа, потому что так велит Бог. В любви к несчастному мужу – исполнение

заповедей Господних. Преходящие радости жизни и вечная радость служения Богу...

До сих пор стоит Ильинская церковь. Тогда там горели свечи, звучали голоса певчих и две сестры стояли в храме.

Николай продолжает свой «покорный бунт». Итак, он исполнил приказание отца, но... Можно запретить ему с ней видеться, но нельзя запретить ему ждать ее. Из дневника:

«21 декабря 1890 года. Вечером у мама рассуждали о семейной жизни теперешней молодежи из общества. Невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души. Затронул ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года пролетело с тех пор, как я говорил об этом с папа в Петергофе, и ничего не изменилось ни в дурном, ни в хорошем смысле. Моя мечта – когда-нибудь жениться на Аликс Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она зимой провела 6 недель в Петербурге. Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты... Единственное препятствие или пропасть между ею и мною – это вопрос религии. Кроме этой преграды нет другой, я почти убежден, что наши чувства взаимны. Все в воле Божьей, уповая на его милосердие, я спокойно и покорно смотрю в будущее».

Его отправляют развеяться в путешествие. Средиземное море, Адриатика, Венеция... Жизнь – праздник! Бал! Бал!

«В гондоле съехали на берег, осмотрели дворец, собор Святого Марка, Академию и прокатились по каналу. Странное впечатление от этого города. Сидели и пили кофе на площади».

Когда он вернулся в Петербург, отец понял, что ничего не изменилось. Значит, пора действовать.

И вскоре в дневнике Николая появляется еще один важный персонаж – «Маленькая К.».

«Я страстно полюбил... Маленькую К.»

Тот канувший в Лету петербургский мартовский вечер, рысаки, подъезжавшие к знаменитому Яхт-клубу. (Блестящие офицеры гвардии, императорская свита и члены императорской фамилии состояли в клубе.) Тогда в марте 1890 года здесь впервые зазвучало имя Маленькой К.

Все члены клуба – балетоманы. Улица, где помещалось Петербургское балетное училище, в течение всего столетия была любимым местом прогулок столичных франтов. Старая традиция петербургской знати: любовница – балерина.

Так же, как гвардия, балет связан с дворцом. Великий князь... (здесь можно подставить разнообразные имена) влюбился в балерину... открыто жил с нею, купил ей дом и прижил от нее детей. Список этих скандальных историй длинный. Директор императорских театров должен быть дипломатом и стратегом – и все время находиться в курсе сложной диспозиции взаимоотношений своих подчиненных с членами императорской фамилии. Придя на балет, публика первым делом интересуется «высочайшим присутствием»: кто сидит в императорской ложе – часто это определяет положение балерины.

Из рассказов Веры Леонидовны:

«Она не была красивой, у нее были короткие ноги. Но глаза! Огромные глаза – две бездны... она манила, эта маленькая очаровательница. Она училась у итальянцев и была великолепна технически. Она протанцевала однажды 32 фуэте и, когда раздалась буря аплодисментов, мило повторила это еще раз. Кто-то сказал о ней: «Она любила балет вообще, а жизнь особенно». Наоборот: она любила балет особенно, а жизнь вообще. Всю жизнь она стремилась стать великой балериной. Но ее так и не признали великой... Она была щедра во всем, что могло принести ей успех на сцене (и очень скупа в частной жизни). Она всем в театре угождала, делала подарки, была ласкова с рабочими сцены,

с гримершами, но... ее не любили. Кроме того, в обществе стало модно фрондировать: когда ее полюбил будущий царь, она была обречена на нелюбовь зала... Моя подруга-балерина пыталась ее ошкаться. Это было замечено. И на своем спектакле моя подруга получила огромную корзину цветов. И записку: «Матильда Кшесинская Вас благодарит». Она умела быть великолепной.

За глаза ее звали «Фея Оленьего парка»: в Оленьем парке французский король Людовик XV содержал свой гарем».

Это была – балетная семья. Ее отец – поляк Феликс Кшесинский. Весь Петербург учился у него танцевать мазурку. Он ставил балеты и танцевал сам со всеми знаменитыми балеринами того времени. К концу века на императорской сцене уже танцевали его дети – Иосиф и Юлия Кшесинские (или «Кшесинская-первая», как будут называть ее, когда стремительно взойдет звезда ее младшей сестры). Из дневника:

«23 марта 1890 г. Поехал в коляске на Елагин остров в конюшню молодых лошадей. Вернулся на новой тройке. Закусывал в восемь часов. Поехали на спектакль в театральное училище. Были небольшие пьесы и балет. Очень хорошо ужинал с воспитанницами».

За этой нескладной фразой – начало романа.

Матильда Кшесинская родилась в 1872 году. Она умрет в Париже в 1971?м, не дожив года до своего столетия. В Париже она напишет мемуары – трогательную историю о любви юной балерины к наследнику престола. Напишет она и о том вечере 23 марта 1890 года – о вечере в исчезнувшей «Атлантиде».

После выпускного бала, где присутствовали император и наследник, были накрыты столы. Неожиданно они остались на ужин. Их усадили за отдельный столик, и вдруг царь спросил: «А где же Кшесинская-вторая?»

Юную балерину подвели к царскому столу, Государь сказал ей несколько комплиментов и добавил, что знаком с ее отцом. Император-отец сам усадил

балерину рядом с наследником и шутливо добавил: «Только, пожалуйста, не слишком флиртуйте». К изумлению юной балерины, Николай молча просидел около нее весь вечер.

Романтический рассказ Кшесинской сменим прозаическим повествованием. Итак, царь сам усаживает девушку рядом с сыном и даже напутствует: «Только не флиртуйте...» Яснее не скажешь.

Вера Леонидовна: «Это было обычно. Когда в зажиточных семьях подрастали юноши, в дом брали красивую и, что еще важнее, – чистую служанку... это был опасный век».

Сифилис уносил тысячи молодых жизней, пьянство и бордели были частью гвардейского быта. Здоровье наследника касалось судьбы целой страны. История с еврейкой была грозным сигналом, и отец семьи и страны решил «позаботиться» о сыне. Кшесинская – блестящая кандидатура: роман с будущей звездой балета мог только украсить биографию молодого человека. Но главным было – заставить его забыть гессенскую принцессу. Потому и был задуман этот приход в училище.

Поняла ли юная балерина условия игры? Или все было для нее действительно в романтическом ореоле: наследник, цесаревич! И тогда эту игру вели взрослые. Но при всех вариантах это была игра.

Только летом маленькой большеглазой девушке удалось продолжить роман. В июле 1890 года Матильда Кшесинская была принята в труппу Мариинского императорского театра. В Красном Селе шли учения гвардии, в которых принимал участие Николай. Там императорский балет танцевал летний сезон.

Она знала – это случится во время антракта: великие князья любили приходить за кулисы. И с ними наверняка придет он. Знала – он хочет прийти.

И он пришел. Так они встретились за кулисами. Он говорил какие-то незначащие слова, а она все ждала... И опять на следующий день он был за кулисами, и опять – ничего. Однажды в антракте ее задержали. И когда она вбежала

на сцену, разгоряченная, с пылающими глазами... как она боялась упустить своего робкого обожателя... Николай уже уходил. Когда он увидел ее, у него вырвалось ревнивое, беспомощное: «Я уверен, вы только что флиртовали!» И, смешавшись, выбежал... Так он объяснился.

Дирекцию императорских театров возглавлял тогда И. А. Всеволожский. Жил он богатым русским барином, но, ко всеобщему изумлению, за артистками не волочился. У него были другие страсти: он обожал хороший стол, держал повара-француза, любил французскую комедию и итальянскую оперу. Но Александр III был патриотом, и потому на императорской сцене теперь владычествовало национальное искусство. И несчастный Всеволожский должен был полюбить русскую оперу, которую он прозвал «щимоль», и русского драматурга Островского. И он полюбил – с готовностью, потому что всегда желал угодить царю.

И оттого он сразу отметил новую балерину.

Царская Семья занимала первую левую ложу. Ложа была почти что на сцене. И, танцуя рядом, новая балерина Кшесинская-вторая пожирала своими огромными глазами наследника, сидевшего в ложе вместе с отцом. И самое удивительное, это не вызвало никакого неудовольствия у грозного императора. Всеволожский все понял – и с этого мгновения он заботился, чтобы партии в балетах доставались этой балерине. В кратчайший срок она завоеует положение примадонны императорского балета.

«17 июня... Происходили отрядные маневры... Кшесинская-вторая мне положительно очень нравится».

«30 июня. Красное Село. Дело на горке сильно разгорелось... Был в театре, разговаривал с Маленькой К. перед окном [ложи]».

В Париже она вспоминала, как он стоял в окне ложи, а она на сцене перед ним. И опять разговор кончился прелестным ничем. А потом он пришел проститься: он уезжал в кругосветное путешествие.

«1 июля... В последний раз поехал в милый Красносельский театр проститься с К. Ужинал у мама до часу».

Она его не понимала. А все было так просто: ожидание Аликс Г. Он сохранял верность.

Теперь Маленькая К. ежедневно читает газеты – она следит за его путешествием. И вот приходит весть, повергнувшая в изумление Петербург: на улице маленького японского городка на наследника напал полицейский и рассек ему голову мечом. Николай чудом остался жив.

Столица полна слухов. Фантастические версии о некоей любовной истории, недопустимом ухаживании чрезмерно предприимчивого Николая (она, уже понявшая характер своего робкого воздыхателя, не поверила). Наконец, нападавший был объявлен сумасшедшим фанатиком.

«27 апреля 1891 года. Прибыли в Киото: глаза просто разбегаются, такие чудеса видели мы. Видели стрельбу из лука и скачки в старинных костюмах... В девять отправились с Джорджи (греческим принцем Георгием, сопровождавшим его в путешествии. – Э. Р.) в чайный домик. Джорджи танцевал, вызывая визги смеха у гейш».

«Но и во сне воды Джиона текут под моей подушкой». Джион – квартал чайных домиков в Киото, сотни гейш заполняли его улочки. Обитательницы чайных домиков – парчовые куклы в затканых золотом кимоно. Японская эротика – утонченнее и чувственнее грубых предложений любви на европейских улицах... Заканчивается чайная церемония... Все дальнейшее остается тайной...

«29 апреля. Проснулся чудесным днем, конец которого мне не видать, если бы не спасло меня от смерти великое милосердие Господа Бога.

Из Киото отправились в джен-рикшах в небольшой город Отсу...

В Отсу поехали в дом маленького, кругленького губернатора. У него в доме, совершенно европейском, был устроен базар, где каждый из нас разорился на какую-нибудь мелочь. Тут Джорджи и купил свою бамбуковую палку, сослужившую через час мне такую великую службу. После завтрака собрались в обратный путь, Джорджи и я радовались, что удастся отдохнуть в Киото до вечера. Выехали в джен-рикшах и повернули налево в узкую улицу с толпами по обеим сторонам. В это время я получил сильный удар по правой стороне головы, над ухом. Повернулся и увидел мерзкую рожу полицейского, который второй раз на меня замахнулся саблей в обеих руках. Я только крикнул: «Что, что тебе?»... И выпрыгнул через джен-рикшу на мостовую. Увидев, что урод направляется ко мне и что никто не останавливает его, я бросился бежать по улице, придерживая рукой кровь, брызнувшую из раны. Я хотел скрыться в толпе, но не мог, потому что японцы, сами перепуганные, разбежались во все стороны... Обернувшись на ходу еще раз, я заметил Джорджи, бежавшим за преследовавшим меня полицейским... Наконец, пробежав всего шагов 60, я остановился за углом переулка и оглянулся назад. Тогда, слава Богу, все было окончено. Джорджи – мой спаситель, одним ударом своей палки повалил мерзавца, и, когда я подходил к нему, наши джен-рикши и несколько полицейских тащили того за ноги. Один из них хватил его же саблей по шее. Чего я не мог понять – каким путем Джорджи, я и тот фанатик остались одни, посреди улицы, как никто из толпы не бросился помогать мне... Из свиты, очевидно, никто не мог помочь, так как они ехали длинной вереницей, даже принц Ари Сугава, ехавший третьим, ничего не видел. Мне пришлось всех успокаивать и подольше оставаться на ногах. Рамбах (доктор) сделал первую перевязку и, главное, – остановил кровь. Народ на улицах меня тронул: большинство становилось на колени и поднимало руки в знак сожаления. Более всего меня мучила мысль о беспокойстве дорогих папа и мама, и как написать им об этом случае».

Поразителен возглас Николая в эту гибельную минуту, записанный им самим: «Что, что?..»

Через 27 лет тот же возглас Николая и тоже в гибельную минуту – когда он стоял в том полуподвале в Екатеринбурге – запишет его убийца Юровский...

Итак, в 1891 году, уже во второй раз в жизни, он избежал смерти. Николай начинает ощущать себя под защитой Его. Он не дает ему погибнуть. Значит, у него иное предназначение?

«1 мая. Токио. Я нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика. Мне также, как прежде, люб их образцовый порядок и чистота, и, должен сознаться, продолжаю засматриваться на..., которых издали вижу на улице. Принят микадо в одиннадцать часов...»

Отец велит ему возвращаться в Петербург. И опять все радостно, жизнь – бал. Во Владивостоке он участвует в закладке Великого железнодорожного пути через всю Сибирь. И веселое путешествие по сибирским рекам, с картежной игрой, попойками – праздник вторично избежавшего смерти.

На обратном пути он посетит Тобольск.

«10 июля 1891 года. В семь часов пришли в Тобольск при тусклом, сером освещении; на пристани, как всегда, встретил городской голова с хлебом-солью, граждане города Тюмени, ремесленное общество с блюдами и почетный караул... Сел в коляску, поехал на гору в собор, – по оригинальным дощатым улицам города. Из собора пошли осматривать ризницы, где хранится большинство предметов, относящихся ко времени покорения Сибири. Поехал в музей, здесь меня более всего интересовал колокол, сосланный из Углича за то, что он бил в набат в день смерти царевича Дмитрия...»

Впоследствии и он сам, как этот колокол, будет сослан в Тобольск. В том грядущем, пока еще далеком 1918 году нового XX века, арестованный, он будет пытаться увидеть из-за забора краешек улицы и город, которым любовался в дни юности.

Он вернулся. Не останавливаясь в Петербурге, он приезжает к родителям в Красное Село.

«7 августа 1891 года. Странно было, что не надо никуда ехать, и не будет больше ночлегов с поздними приездами и ранними отъездами».

Прежняя размеренная жизнь вступает в свои права.

«7 декабря. Великолепно выпавшись... после кофе отправились в санках...
Наслаждался в своей сибирской дохе...»

«15 декабря. Утром принимал целый воз бумаг из Государственного совета и Комитета министров. Просто не понимаю, как можно поспеть в одну неделю прочесть такую массу бумаг. Я постоянно ограничиваюсь одним-двумя делами, самыми интересными, остальные идут прямо в огонь».

«31 декабря. Не могу сказать, чтоб сожалел, что 1891 год закончился. Он был, положительно, роковым для всего нашего семейства: смерть тети Ольги (матери его друзей, Михайловичей. – Э. Р.)... болезнь и долгая разлука с Георгием (братом. – Э. Р.), и, наконец, мой случай в Отсу – все следовало быстро, одно за другим. И голод присоединился к этим тяжелым несчастьям. Молю Бога, чтобы будущий год не был похож на прежний...»

И опять наступил март.

«5 марта 1892 года. Мама говорит, что меня почти не видит, так много я шатаюсь, но, то не мое мнение, мне кажется, в мои годы так и следует».

«8 марта. Проснулся в обрез к обедне, я так крепко сплю, что меня даже в отчаяние приводит».

Так идет эта рассеянная жизнь. Аликс далеко, миф, мечта, – а рядом эта влюбленная девочка, которая так нравится ему, Сергею, всей его милой компании...

«25 марта. Вернулся в Аничков при снеге, валившемся хлопьями. И это называется весна? Обедал с Сергеем у себя, а потом поехал навестить Кшесинских, где провел полтора приятных часа...»

В тот день Николай отважился на поступок, удивительный для нерешительного молодого человека.

Должно быть, смелое решение было принято во время обеда, о котором он пишет. Вино и эта беседа с другом детства великим князем Сергеем

Михайловичем, который не скрывал восторга перед чарами юной балерины... Можно даже представить, о чем они говорили, – ведь в том марте минуло ровно два года, как он впервые увидел Матильду. И можно легко вообразить, что насмешливо посоветовал ему ловелас, блестящий петербургский денди великий князь Сергей...

И Николай решился.

Кшесинская вспоминала тот мартовский петербургский день... Она сидела дома больная, с перевязанным глазом. Романтическую К. мучил в эти дни прозаический фурункул. Служанка доложила, что ее хочет видеть некий гвардейский офицер, господин Волков. Удивленная балерина, не зная господина Волкова, все-таки велела провести его в гостиную. И не поверила своим глазам (вернее, одному, здоровому) – в гостиной стоял Николай.

Видимо, цесаревич воспользовался фамилией своего наставника в военном ремесле – все того же Александра Волкова.

Впервые они были одни. Они объяснились, и... более ничего! Через «приятных полтора часа» он, к изумлению Маленькой К., удалился!

На следующий день она получает записку: «С тех пор, как я вас встретил, я прямо как в тумане. Я надеюсь, скоро смогу прийти еще. Ники».

Теперь для нее он – Ники. Начинается прелестная и, что поразительно для нравов, невинная любовная игра. Его товарищи по корпусу приносят цветы от влюбленного. И сам влюбленный теперь частый гость в квартире Феликса Кшесинского. Но каждый раз, когда он приходит, это странно совпадает с отсутствием остальной семьи.

Записки (когда он не приходит) следуют непрерывно. Теперь он называет ее «панночкой».

«Думай о том, что сделал Андрий, обожая молодую панночку».

Он зря тревожит гоголевские персонажи – история казака Андрия, предавшего заветы отца, старого Тараса Бульбы, ради любви к панночке – здесь совершенно неуместна.

Потому что за кулисами его любовной истории все время стоит сам грозный Бульба – отец-император. Хотя, впрочем... Во время встреч с Матильдой он постоянно продолжал мечтать о другой. Против которой был отец, союз с которой был бы предательством «старого Бульбы». Кшесинская была всего лишь лжепанночка. В тайниках его души – истинная панночка по-прежнему – Аликс Г.

И он странно соединил их обеих.

«31 марта. Заехали на короткое время к дяде Мише... Он повел по комнатам своей покойной жены – ничего не тронуто». Здесь он думает об Аликс... Трогательная любовь родителей его друзей Михайловичей, любовь супружеская – это Аликс Г.

«Вернулся в Гатчину. У меня самое непостное настроение (в это время был Великий пост. – Э. Р.). Хорошо еще в этом случае, что живу в Гатчине и в 49 верстах от столицы».

Это – уже Матильда...

«1 апреля... Весьма странное явление, которое я в себе замечаю: я никогда не думал, что два одинаковых чувства, две любви одновременно совместились в душе. Теперь уже пошел четвертый год, что я люблю Аликс Г. и постоянно лелею мысль, если Бог даст на ней когда-нибудь жениться... А с лагеря 1890 года по сие время я страстно полюбил (платонически) Маленькую К. Удивительная вещь, наше сердце. Вместе с этим я не перестаю думать об Аликс, право, можно было заключить после этого, что я очень влюбчив. До известной степени да! Но я должен прибавить, что внутри я строгий судья и до крайности разборчив, – вот это и есть то настроение, которое я вчера назвал непостным».

А пока – веселое общество почти ежедневно собирается по вечерам в комнате Маленькой К. Николай приходит с друзьями Михайловичами: Сергей, Сандро и Георгий. Три великих князя и наследник – в скромной квартире модного учителя балетных танцев... И Ники смешно показывает, как она танцует танец

маленьких лебедей.

Вместе с императором Ники уезжает в Данию, и оттуда Матильда получает страстные письма. Но, одновременно с этими письмами, Николай осторожно продолжает разговор с отцом об Аликс.

Император обеспокоен – его игра пока безрезультатна. Не оттого ли начался решительный натиск «панночки»?

«В это время я все больше думала о близости, – будет вспоминать она в Париже. – Я обожала царевича и хотела только одного – моего счастья, каким бы коротким оно ни было».

Да, она сумела наконец заставить Николая принять решение. На Английской набережной был снят «восхитительный отель», где должна была, наконец, закончиться платоническая любовь. Этот отель принадлежал когда-то великому князю Константину Николаевичу и был куплен для танцовщицы Кузнецовой (все, все повторялось)... Маленькая К. уезжала из дома и открыто становилась любовницей цесаревича.

«Отец был убит. Он спросил: отдаю ли я себе отчет, что никогда не смогу выйти за него замуж? И что наша идиллия будет очень короткой? Я ответила: понимаю, но мне все равно. Я хочу испытать все счастье, которое мне отпущено».

Вот так уже в старости описала сцену Кшесинская. Но можно и прозаичнее. Ее отец попросту сообщил ей условия, на которых другой отец, вершивший страной и семьей, разрешил существование связи. И условие это: брак цесаревича должен будет немедленно прекратить все их отношения.

И в этой игре император остался хорошим семьянином.

Итак, она победила. Но победа была началом конца. «Мы устроили праздник-новоселье... И царевич подарил мне водочный сервиз – 8 золотых рюмок, инкрустированных драгоценными камнями...»

«Очень часто он приносил мне подарки. Я отказывалась брать, но он так грустил, что мне... приходилось брать».

Она перестала быть мечтой. И он все больше тосковал о далекой красавице. Жизнь и грёза: маленькая доступная Матильда – и высокая царственная принцесса. Маленькая К. исчезает из дневников.

Закончился еще один год его жизни.

«31 декабря. Милый Аничков сиял электричеством. В 7 с половиной пошли к молебну. В 12 часов втроем – я с папа и мама встретили Новый год. Дай Бог, чтобы он был такой же, как этот».

В это время Маленькая К. танцевала партию за партией. Но так и должно было быть – первый юноша России должен был иметь любовницей первую балерину.

Когда великий балетмейстер Мариус Петипа назначил ее танцевать Эсмеральду, он спросил: «Ты влюблена?» – «Да». – «Ты страдаешь?» – «Конечно же, нет!» – радостно ответила Маленькая К. Петипа объяснил ей, что только артистка, которая умеет страдать, может танцевать Эсмеральду.

«Я поняла это позже, – печально вспоминала Матильда, – и тогда Эсмеральда стала моей лучшей ролью».

Да, ей пришлось это понять... Теперь она видела Николая все реже. Но она еще цеплялась за старые связи – в ее доме состоялась веселая помолвка любимого друга Ники – Сандро с сестрой Ники Ксенией...

Они пили шампанское в спальне прямо на полу. Но все это было в последний раз...

Николай уехал в Кобург на свадьбу брата Аликс Эрни. И уже вскоре газеты написали о помолвке цесаревича и Алисы Гессен-Дармштадтской. После возвращения из Кобурга он больше никогда не приходил к Маленькой К.

Они обменялись письмами. Она попросила у него разрешения обращаться к нему, если это будет необходимо. Она осталась предусмотрительной. Он ответил: дни, проведенные рядом с нею, останутся навсегда прекраснейшими воспоминаниями его молодости – она всегда сможет к нему обратиться.

Он попросил Матильду назначить место последнего свидания. Они встретились на дороге из Петербурга в Красное Село. Она приехала в карете из города, а он верхом, из лагеря. «Как всегда в таких случаях, трудно сказать что-нибудь – душили рыдания и не найти нужных слов». Она смотрела ему вслед, а он удалялся, удалялся, все время оборачиваясь в седле.

Так она описала конец.

Послесловие к игре

Но на самом деле отважная Маленькая К. попыталась продолжать: «В своей печали я не была одна. Великий князь Сергей Михайлович оставался рядом со мной, чтобы покровительствовать и помогать. Никогда я не испытывала к нему тех чувств, как к царевичу, но его привязанность, его манеры покорили мое сердце».

Можно изложить трогательное воспоминание опять прозаически: она перешла к тому, кто мог обеспечить ее прежнее положение в балете. Ибо всегда была верна только одному – Балету.

Великий князь Сергей Михайлович руководил Театральным обществом и русским балетом. (К сожалению, одновременно с балетом Сергей Михайлович управлял всей русской артиллерией. «В результате, – желчно острили тогда, – мы имели очень хороший балет, но, к сожалению, не имели артиллерии».)

И вновь ее тень – на пороге дворца. Каждый раз, когда Ники видит своего старого друга Сергея, он должен вспоминать... Впрочем, и сама она часто пользовалась его: «Вы всегда сможете ко мне обращаться».

В мае 1896 года в Москве состоялась коронация и блестящий гала-концерт. На сцене – все лучшее в русском искусстве. Балетный акт должна была танцевать первая балерина России.

Всем было ясно, что Матильда танцевать не будет. Таково было пожелание вдовствующей императрицы – всесильной матери нового царя. Министр двора и директор императорских театров вычеркнули скандальное имя из списка исполнительниц.

Коронационный спектакль был назначен в Большом театре – танцевали акт балета «Жемчужина» в постановке Петипа. И, когда изумленная публика увидела программу, – там стояло имя... Матильды Кшесинской! Она танцевала главную партию! Да, они все сделали – и мать, и министр двора, – чтобы убедить Ники не допустить скандальной ситуации, но... Она слишком хорошо знала своего прежнего любовника.

Она поехала к любимому брату покойного Александра III – великому князю Владимиру. Можно только догадываться, какое оружие она применила, но стареющий донжуан отправился сам упрашивать Николая. С другой стороны выступил любимый друг детства Сергей... И Николай распорядился вписать ее имя.

Так Маленькая К. показала всем прежнюю силу. Да, она умела ладить с Романовыми! И великий князь Владимир Александрович всегда будет служить ей, как, впрочем, и Николай, и Сергей... Он не посмеет противиться даже ее роману с собственным сыном Андреем и согласится крестить их ребенка, которого назовут в его честь Владимиром.

И после этого она не давала забыть о себе. В Михайловском театре, когда ожидали царя, она часто занимала ложу бельэтажа напротив его ложи.

И он ее никогда не забывал. Все-таки она была единственной любовницей во всей его жизни.

13 февраля 1911 года, когда был объявлен ее бенефис – прощание со сценой, он решил сам прийти на этот спектакль и вручить ей традиционный подарок. Накануне бенефиса театр напоминал осажденный город. Было объявлено,

что мать Государя приедет на спектакль вместе с ним. Все поняли – вдовствующая императрица решила не дать Николаю встретиться наедине с «этой женщиной». Так ее боялись.

Министр двора вызвал директора императорских театров:

– Государь не должен вызвать к себе в ложу «эту женщину». Если это произойдет, вдовствующая императрица вам не простит.

В день бенефиса прислали подарок от царя – кулон в виде бриллиантового орла. «Этот подарок Государь собирается вручить Кшесинской сам», – так объяснили директору, к его ужасу. Но, когда Николай прибыл вместе с матерью, хитроумный директор вдруг громко спросил:

– Подарок госпоже Кшесинской, Ваше Величество, прикажете передать сейчас? Или во время публичного чествования?

О, как посмотрела мать на несчастного Николая!

– Конечно... Конечно... Можно и сейчас, – беспомощно пробормотал царь.

И торжествующий директор отправился к Матильде и сам вручил этот подарок...

Прощальный бенефис. Сколько раз она будет прощаться со сценой – но до 1917 года престарелая балерина будет продолжать танцевать, несмотря на эти многочисленные прощания. И все это время любыми средствами удерживать около себя Романовскую Семью.

«О ее доме в Стрельне, – рассказывала Вера Леонидовна, – ходили легенды. Сколько юных танцовщиц, начинающих дебютанток прошли через этот дворец! Балерин собирали в огромном зале... Гасли свечи, в темноте открывались двери, и толпа молодых великих князей радостными жеребцами врывалась в комнату – это называлось «Похищение Сабинянок». «Живые картины» продолжались до утра в бесконечных комнатах, где уединялись похитители и похищенные».

В Первую мировую войну Сергея Михайловича и Кшесинскую обвиняли в громадных взятках, которые они получали за выгодное размещение заказов

на снаряды и пушки. В Стрельне шла большая карточная игра, и там раздавались концессии, ворочали миллионами.

«Скоро ли Сергей будет смещен со своего поста, так все против него... К. опять в этом замешана», – грозно писала Николаю Аликс. Но Николай не выдал Маленькую К. даже ей.

Все эти годы Сергей Михайлович – рядом с Маленькой К. Но на пороге XX века, когда у ветреного великого князя начался серьезный роман, Маленькая К. тотчас позаботилась о новом Романове. В «восхитительном отеле» появился еще один обитатель. Он был также голубоглаз и стеснителен... При первом знакомстве он пролил вино на ее платье, и ей окончательно показалось, что в этом юноше к ней вернулся Ники. Так вошел в ее жизнь великий князь Андрей Владимирович... Они уехали в Венецию, потом в Прованс, и там он купил ей дом на берегу моря – это был третий дом, купленный ей очередным Романовым. Когда они вернулись в Петербург, Сергей Михайлович снова был рядом с нею. А потом у нее родился сын Владимир. Знала ли она точно, чей это был сын? Знала – сын Романова!

В феврале 1917 года состоялся последний прием в ее доме. На следующее утро, когда ее эконом проверял сервиз и серебро, она увидела из окна, как бесконечная толпа погибала на мост – туда, к его дворцу. Потом ей позвонил глава Петроградской полиции, сказал кратко: «Ситуация критическая, спасайте все, что можете».

Вера Леонидовна:

«В дни февраля 1917 года я была на квартире моего знакомца, знаменитого артиста Юрьева... И там несколько дней спасалась Матильда. Она пришла туда переодетая, в жалком пальто, в каком-то платке, с маленьким сыном, собачкой и крохотным ридикюлем. Там лежало все, что осталось у нее от дворцов и несметных богатств...»

И она показала дрожащими, в темных старческих пятнах руками, как Кшесинская держала свой ридикюль.

«Дворец Кшесинской» после Февральской революции заняли большевики. В верхних комнатах было накурено махоркой, по затоптанным лестницам ходили бесконечные посетители, матросы несли охрану. В ее любимой зале, той, где высокое зеркало над каминной доской и зимний сад, в апреле 1917 года была конференция большевиков. И здесь, на ее стульях, сидел Филипп Голощекин, получивший назначение руководить большевиками Урала. Он и будет тем человеком, который решит судьбу двух близких ей людей – Николая и Сергея.

Она не верила в стабильность ситуации, во Временное правительство. Она уезжает из Петрограда вместе с сыном.

На вокзале их провожал Сергей Михайлович. Поезд уходил. Он стоял, в длинном пальто, в шляпе, как видение из того, навсегда исчезнувшего мира.

В Кисловодске ее встречал Андрей. Там же она получила последнее письмо от Сергея Михайловича. Письмо шло очень долго. И в то время, когда она читала, его автор, блестящий петербургский щеголь, в грязных опорках, в кровоподтеках от ударов, с простреленной головой лежал на дне шахты; а другой царственный любовник, обезображенный серной кислотой, нашел пристанище на дне ямы в лесу под Екатеринбургом.

Уже в Париже мечта Маленькой К. наконец сбылась: великий князь Андрей Владимирович женился на ней. Его брат, Кирилл, стал русским императором в изгнании, а она – его законной родственницей...

«Там, у окна, в Кобургском замке»

(Продолжение дневника молодого человека)

В начале 1894 года стало ясно: жить Александру III оставалось недолго. Видимо, это было следствием того ужасного крушения поезда в Борках – он получил тогда ушиб, который развился в смертельную болезнь почек. Надо было срочно

готовить брак наследника.

Внезапная смертельная болезнь императора закончила игру с участием Маленькой К.

Заработали дипломаты, – пошла непрерывная переписка между Петербургом и Дармштадтом.

В апреле в Кобурге была назначена свадьба брата Аликс – Эрни с Саксен-Кобургской принцессой Викторией-Мелиттой (в семье ее звали Даки). Император Вильгельм II, английская королева, бесчисленные принцы съезжались в Кобург. На пороге грозного нового века состоялся один из последних блестящих балов королевской Европы.

Россию представлял мощный десант великих князей. Приехал и священник, отец Иоанн Янышев – духовник Царской Семьи. Его присутствие ясно говорило о самых серьезных намерениях прибывших. Прибыла в Кобург и Екатерина Адольфовна Шнейдер – она учила русскому языку Элли, родную сестру Аликс. В случае успеха дела она должна была обучать русскому языку гессенскую принцессу. И, конечно же, приехала любимая сестра Элла.

Итак, на свадьбе Эрни должна была произойти помолвка Аликс. Это знали все. Из дневника Николая:

«5 апреля... Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустной. Нас оставили вдвоем, и тогда начался меж нами тот разговор, которого я давно очень желал и... очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно: она все противилась перемене религии, она, бедная, много плакала, расстались более спокойно...»

Все утопало в сирени. Холодная прекрасная весна. Так начались эти дни. Несмотря на ее отказ, он был радостно спокоен, он знал, что все их родные за этот брак, и главное – он знал, что она его любит. Было правило, которое он открыл для себя, дважды оказавшись на краю гибели: во всем полагаться на Бога. Этим он будет руководствоваться всю дальнейшую жизнь. Но в те кобургские дни, нарушая это правило, он очень настойчив. Девушка, которую он хотел в жены, была глубоко религиозна. И он щемяще жалел ее, понимая,

что значила для нее перемена религии. И, любя ее за это отчаяние и слезы, он своей ласковой настойчивостью помогал переложить на него ответственность за решение.

А она... она много плакала в эти дни.

Впоследствии она много раз будет писать, как трудно ей было принять это решение – поменять религию. Конечно, религия играла огромную роль в ее жизни. Но ведь и ее прабабушки, гессенские принцессы, отправлявшиеся в далекую Россию, меняли религию. И ее сестра Элла, принявшая православие, была счастлива в новой религии. Нет-нет, было еще что-то, отчего она плакала все эти дни. И это «что-то» она не могла выразить словами: натурам экзальтированным, нервным в решающие минуты судьбы дано предчувствовать будущее. Не оттого ли она почти с ужасом, из последних сил, пыталась говорить ему «нет»?

«7 апреля. День свадьбы Даки и Эрни. Началось с того, что я опоздал на завтрак, и мне пришлось идти петухом перед толпой на площади. В 12 часов все собрались наверху, и после подписания акта гражданского брака пошли в церковь. Эрни и Даки – хорошая пара. Пастор сказал хорошую проповедь, содержание которой удивительно подходило к существу переживаемого мной вопроса. Мне в эту минуту страшно захотелось посмотреть в душу Аликс. После свадьбы был семейный обед... Молодые уехали в Дармштадт. Пошли гулять с дядей Владимиром, доползли, наконец, до замка... Подробно осмотрели музей оружия. Обедали у тети Мари, в мундирах, из-за императора, который штатского не одевает. И затем пошли, скорее перебежали, под ливнем в театр. Давали первый акт «Паяцев».

Как весело ему было карабкаться на гору в этот замок, а потом вечером перебегать улицу и в мокром мундире сидеть в театре! Ему все было тогда весело, потому что он знал: все должно случиться и уже завтра обязательно случится! И он любил их всех: милый Эрни, милая Даки, милый Вилли, так смешно обожавший мундиры, и милый дядя Владимир...

«8 апреля (число трижды подчеркнуто им в дневнике – Э. Р.). Чудный, незабвенный день в моей жизни! День моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс. После разговора с ней мы объяснились между собой... Какой радостью удалось обрадовать дорогих папа и мама. Я целый день ходил как в дурмане, не сознавая, что, собственно, со мной приключилось... Потом был

устроен бал. Мне было не до танцев, ходил и сидел в саду с моей невестой. Даже не верится, что у меня – невеста».

В письме к матери он описал подробнее странное отчаяние и слезы Аликс:

«Она плакала все время, и только от времени до времени произносила шепотом: «Нет, я не могу...» Я, однако, продолжал настаивать и повторять свои доводы, и хотя этот разговор длился 2 часа, он не привел ни к чему... Я передал ей ваше письмо (письмо датской принцессы, счастливо сменившей свою религию. – Э. Р.), и после того она не могла уже спорить... Она вышла к нам в гостиную, где мы сидели с Эллой и Вильгельмом (ах, как ждал император этого брака! – Э. Р.), и тут, с первого слова, она согласилась. Одному Богу известно, что произошло со мной. Я плакал, как ребенок, и она тоже. Нет, дорогая мама, я не могу выразить, как я счастлив. Весь мир сразу изменился для меня: природа, люди – все мне кажется добрыми, милыми и счастливыми. Я не могу даже писать, до того дрожат мои руки... Она совершенно переменялась, стала веселой, забавной, разговорчивой».

Он подарил ей кольцо с рубином и вернул ту самую брошь – когда-то подаренную на балу. Она носила его кольцо на шее, вместе с крестом, и брошь всегда была с ней.

Из ее письма в 21?ю годовщину помолвки:

«8 апреля 1915 года. Мои молитвы витают вокруг тебя в нашу годовщину. Ты знаешь, я сохранила... платье принцессы, которое я носила в то утро. И я буду носить твою дорогую брошку».

В 22?ю годовщину: «8 апреля 1916 года. Я хотела бы крепко обнять тебя и вновь пережить наши чудные дни жениховства. Сегодня я буду носить твою дорогую брошку... Я все еще чувствую твою серую одежду... ее запах – там, у окна, в кобургском замке...»

В грязном кострище, где сожгли их одежду утром 17 июля 1918 года, будет найден бриллиант в 12 карат. То, что осталось от броши. Она была с ней до конца.

Но тогда... как он был счастлив тогда! И она тоже старалась быть счастливой. Но все-таки продолжала плакать и в эти дни. Окружающие ничего не понимали. Наблюдая ее слезы, простодушная фрейлина записала в дневник то, что должна была записать: Аликс не любит своего будущего супруга. Да она и сама не понимала своих слез...

«Те сладкие поцелуи, о которых я грезила и тосковала столько лет и которые уже не надеялась получить... Если на что-то я решусь – то уже навсегда. То же самое в моей любви и привязанности – слишком большое сердце, оно пожирает меня...» (Письмо от 8 апреля 1916 года.)

А он – он был безоглядно счастлив. Всю жизнь он весело будет вспоминать, как играл оркестр в кобургском замке и как во время брачной церемонии, утомленный обедом, засыпал дядя Альфред (герцог Эдинбургский) и с грохотом ронял свою палку... Как он верил тогда в будущее! И все эти дяди и тети (королева, император, герцоги, принцы, князья), еще решавшие тогда судьбы народов, толпились в залах кобургского замка и тоже – верили в будущее. Если бы они смогли тогда увидеть будущее!

Молодожены Эрни и Даки, «хорошая пара», уже вскоре разойдутся, сестра Элла погибнет на дне шахты. Дядя Вилли, столь любящий военные мундиры и ожидающий военного союза с Россией, начнет войну с Россией. И дядя Павел, танцующий сейчас мазурку, будет лежать с простреленным сердцем, и сам Ники...

«Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь».

9 апреля Александр Волков был отправлен своим хозяином, великим князем Павлом, передать подарок по случаю помолвки. Он застал Николая и Александру в гостиной: они сидели на диване, держась за руки. Они были поглощены друг другом, и Николай не сразу заметил Волкова: – А, это ты, милый друг Волков!

И Волков был тоже – милый. Все были «милые» (любимое слово Николая).

В это время Екатерина Адольфовна Шнейдер уже занималась с Аликс русским языком. Они спрягали глаголы, и Аликс аккуратно записывала их в тетрадь.

Она любила учиться.

Я листаю ее учебные тетради: Аликс училась языку, спрягая три глагола – «забыть», «петь» и «верить».

Забыть! Забыть – все, что она необъяснимо предчувствует. И верить! И петь!

Ее учительница, Екатерина Шнейдер, станет гофлектрисой при императорском дворе и в 1917 году добровольно отправится в ссылку со своей ученицей.

В 1918 году за тысячу километров от Петербурга, на дороге к ассенизационным ямам, расстреляют старую гофлектрису.

Счастливейшие дни после помолвки. Поэтическая любовь в стиле Гёте: они ездят с Аликс в шарабане, собирают цветы по окрестностям...

Наступает Пасха... В Страстную субботу приехавшие из Петербурга певчие открывают принцессе торжественную благодать православного богослужения. С певчими приехал фельдъегерь из Петербурга – он привез подарки, письма царя и царицы и орден – ей, Аликс...

12 дней прошли. «20 апреля... Поехал с Аликс на станцию и там простился с нею. Как пусто мне показалось, когда я вернулся домой... И так, придется провести полтора месяца в разлуке. Я бродил один по знакомым и дорогим мне теперь местам и собирал ее любимые цветы, которые отправил ей в письме вечером...»

«21 апреля. Завтракали... у моего прибора стояла прежняя карточка Аликс, окруженная знакомыми розовыми цветами...»

Аликс уехала в Англию, в Виндзор, к королеве Виктории. Но уже через полтора месяца яхта «Полярная Звезда» подошла к английскому берегу. Это была любимая яхта Николая, и она станет любимой яхтой Аликс и их детей. Яхта вошла в Темзу.

«Проводили целые дни вместе, катались на лодке, устраивая на берегу пикники, – настоящая идиллия... Но затем мы должны были отправиться в Виндзор. Впрочем, не могу жаловаться – бабушка (королева Виктория. – Э. Р.) была очень любезна и разрешила нам выезжать без всяких компаньонов... Признаюсь, я никак не ожидала от нее этого...» Даже пуританский этикет двора королевы Виктории уступил этой любви!

Все это время она вписывает ему в дневник свои любимые изречения: «Счастье и нужду переживают они вместе – и от первого поцелуя до последнего вздоха они о любви лишь поют друг другу». «Всегда верная и любящая, преданная и чистая, и сильная, как смерть».

Так слово «смерть», записанное ее рукою, появилось в его дневнике.

«11 июля. Грустный день расставанья, разлуки после более месяца райского блаженного житья. На «Полярной Звезде» получил письмо от Аликс. Совсем устал и грустен».

Расставаясь, они договорились писать друг другу. Сказка братьев Гримм: уходящая яхта, башни королевского замка, принцесса и цесаревич...

Отголосок этой сказки сохранился в загаженной охраной, испещренной похабными изображениями уборной в их последнем доме в Екатеринбурге... В 1918 году, после их гибели, в этой уборной за трубами была найдена маленькая книжечка с шифром и надписью:

«Для моего... любимого Ники полезно употреблять, когда он вдали от своего «спицбуп». От любящей Алисы. Осборн, июль 1894».

Это была книжечка шифров для их будущей переписки (она обожала таинственность), которую дала ему «любящая Алиса» тогда – в счастливые июльские дни в Осборне.

Ники и Аликс – «хорошая пара». Расставшись, они почти ежедневно пишут друг другу письма.

Тонкие листочки с маленькими коронами – их письма. Он пишет ей из замка в Спале, где он охотится, из императорского поезда, который везет его в Ливадию к умирающему отцу... Сотни его писем. И сотни ее ответов... Бесконечные заклинания любви.

В начале октября в Дармштадте Аликс получила телеграмму, срочно вызывавшую ее в Крым: Александр умирал. В Берлине на вокзале ее провожал император Вильгельм (какие у него были надежды!). Он знает твердый, неумолимый характер прелестной Аликс и мягкость милого Ники. Он не сомневается, кто будет руководить в этом союзе. И верит: она не забудет свою родину.

Но он плохо знает гессенскую принцессу.

«Мой народ стал твоим народом, и мой Бог стал твоим Богом». Так ее учило прошлое гессенских принцесс, уезжавших в далекие земли.

Император умирал. В спальню к умирающему медленно идет знаменитый доктор Захарьин. Доктор страдает одышкой, он не может пройти и нескольких шагов, чтобы не присесть, поэтому вся зала по пути в спальню уставлена креслами.

В спальне императора – священник Иоанн Кронштадтский и духовник царя отец Иоанн Янышев. И доктора. Они встретились около умирающего: бессильная медицина и всесильная молитва, облегчившая ему последние страдания.

Все кончено. Двери спальни отворились. В огромном вольтеровском кресле тонет тело мертвого императора. Императрица обнимает его. Чуть поодаль стоит бледный Ники. Император скончался, сидя в кресле.

«Голова кругом, верить не хочется...»

(Дневник молодого царя)

«20 октября 1894 года. Боже мой! Боже мой! Что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого папа. Голова кругом, верить не хочется, кажется до того неправдоподобно, ужасная действительность! Все утро мы провели около него. Около половины третьего он причастился Святых Тайн. О, Господь! Больше часа стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого...»

«21 октября. И в глубокой печали Господь дает нам радость тихую и светлую. В десять часов моя Аликс была миропомазана. Была отслужена панихида, потом другая... Выражение лица у дорогого папа чудное, будто хочет засмеяться. Было холодно, и ревело море.

Было брожение: где устроить мою свадьбу, – мама и я, что все-таки лучше это сделать здесь, пока дорогой папа под крышей дома, а все дяди против, говорят, что мне надо сделать это в Питере».

И дяди победили. Как только умер Александр – сразу становится слышен их голос.

Как всегда, восшествию на престол сопутствовали слухи. По одной версии, вдовствующая императрица хотела заменить Николая своим любимым сыном Михаилом и пыталась заставить Николая отречься.

Но это лишь слухи. Знаменитый министр ее мужа и сына – С. Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» привел свою беседу с императрицей о Николае:

«– Вы хотите сказать, что Государь не имеет характера императора?»

– Это верно, – отвечает Мария Федоровна, – но ведь в случае чего его должен заменить Миша, а он имеет еще меньше воли и характера».

Так что скорее справедлив другой слух, также вышедший из стен дворца. Александру не было и 50 лет, когда он умер. Этот гигант казался вечен, и когда Николай вдруг узнал о смертельной болезни отца, им овладел страх. Панические его восклицания приводит в своих мемуарах и его друг Сандро... Николай умолял позволить ему отречься от престола. Но Александр был непреклонен: закон о престолонаследии обязан соблюдаться – Николай должен принять трон. И в ответ на покорное согласие Николая ему и разрешили взять в жены гессенскую принцессу.

А потом был Петербург, хмурый осенний день. На перрон Николаевского вокзала прибыл траурный поезд. Среди встречавших гроб Александра – все тот же Витте.

«Новый император прибыл в Петербург со своей невестой, будущей императрицей, в которую, как говорят, он влюблен», – записал Витте.

Предчувствия Аликс начали сбываться: она въехала в Петербург вслед за гробом.

Похороны продолжались долго. Когда митрополит говорил свою очередную длинную речь, вдовствующая императрица не выдержала: с ней начался истерический припадок, и она все кричала: «Довольно! Довольно! Довольно!»

Императора похоронили в Петропавловском соборе. В стране был объявлен годичный траур. Но их свадьба должна была состояться через неделю – в день рождения его матери. До свадьбы они жили отдельно: она у сестры Эллы, во дворце великого князя Сергея Александровича, а он – «в милом Аничковом» вместе с матерью.

«Моя свадьба была продолжением похорон, только меня одели в белое», – скажет потом Аликс своей подруге Вырубовой.

«13 ноября 1894 года. Аничков. В одиннадцать пошли к обедне в нашу милую церковь. Грустно и больно было стоять... зная, что одно место останется навсегда пустое. Словами не выразить, как тяжело, как жаль дорогую мама?!.. Виделся с милой Аликс за чаем. Затем простился с ней в восемь часов, больше нельзя видеться! До свадьбы! Мне все кажется, что дело идет к чужой свадьбе, странно при таких обстоятельствах думать о своей собственной женитьбе...»

Но почему так торопились со свадьбой? Почему не подождали положенных сорока дней после смерти отца?

14 ноября был последний день перед началом поста. Пост должен продлиться до начала января. Так что надолго пришлось бы отложить эту свадьбу...

«14 ноября. День моей свадьбы. После общего кофе пошел одеваться. Я надел гусарскую форму и в одиннадцать с половиной поехал с Мишей в Зимний. По всему Невскому войска. Мама с Аликс. Пока совершали туалет в Малахитовой зале, мы все ждали...»

И, наконец, она появилась: серебряное платье с бриллиантовым ожерельем, сверху наброшена золотая парчовая мантия, подбитая горностаем, с длинным шлейфом. И на голове – в огне бриллиантов сквозная корона. Новая императрица.

«В десять минут первого начался выход в Большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком... Нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мной в карету с русской упряжью, и мы поехали в Казанский собор. Народу на улицах было пропасть... По приезде в Аничков во дворе почетный караул от лейб-гвардии уланского полка. Мама ждала нас хлебом-солью... Весь вечер отвечали на телеграммы... Завалились спать рано, так как у нее разболелась голова».

Это грубоватое гвардейское «завалились спать» скрывало его смущение, страх перед таинством девства. А она? Он не зря отмечает ее головную боль. Ее фрейлина скажет: «Она бледна и грустна...» В брачную ночь Аликс решает

написать в его дневник о своем счастье. Но появляются странные слова: «...когда эта жизнь закончится, мы встретимся вновь в другом мире и останемся вместе навечно...» Ее мучила та же тоска и странный ужас.

«Все полно мира и отрады»

(Дневник молодого мужа)

Вдовствующая императрица постаралась подольше держать их у себя: первое время они жили в Аничковом дворце.

«15 ноября. Итак, я женатый человек...»

«16 ноября. Виделся с милой Аликс за все утро только час. Поехали покататься... Странно сидеть с ней рядом в Питере».

«17 ноября. Невообразимо счастлив с Аликс. Жаль, что занятия отнимают столько времени, которое так хотелось проводить исключительно с нею...»

Она стесняется своего плохого русского языка. Происходит мучительное для деятельной натуры – она должна наблюдать, как вдовствующая императрица и министры руководят ее Ники. Но в его дневнике все чаще слышится ее голос. Она вписывает туда наставления: «Сперва твой долг, потом – покой и отдых...» «Не бойся опасности, Господь близ тебя и охраняет». Гармония их союза – его мягкость и ее твердость.

Годичный траур: нет балов, увеселений, и они предоставлены самим себе. Он – после занятий, «которые отнимают так много времени», а она – весь день. В 3 часа, освободившись от докладов министров и прочих государственных дел (здесь следует вписать «наконец-то»), они выезжают из Аничкова дворца и едут кататься на Невский, потом уже в Зимний дворец, где устраивается их квартира, а потом возвращаются в Аничков. Вечерами он читает ей вслух, как прежде читал ему отец. Когда выпал первый снег, они уехали в Царское Село и там впервые жили одни целую неделю.

В последний день года они сделали запись в его дневнике.

Он: «Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня счастьем, о котором я не мог даже мечтать, дав мне Аликс».

Она: «Последний день старого года. Какое счастье провести его вместе. Моя любовь выросла такой глубокой, сильной и чистой – она не знает предела. Да благословит и хранит тебя Господь». И стихи Лермонтова: «Прозрачный сумрак, луч лампы, кивот и крест – символ святой. Все полно мира и отрады...»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее во всех цитируемых документах, дневниках, письмах, воспоминаниях и т. п. сохраняются стиль, орфография и пунктуация оригиналов. Курсив в цитатах мой. – Примеч. Э. Р.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/edvard-radzinskiy/posledniy-car>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)